

DOI 10.23683/2415-8852-2018-2-65-77

УДК 316

ГОЛОС И ТЕРРИТОРИЯ В ТРАНСКРИПТАХ УСТНОЙ РЕЧИ

Андрей Григорьевич Возьянов

Европейский гуманитарный университет (Вильнюс, Литва)

e-mail: avozyanov@gmail.com

Аннотация. В тексте на материале из Восточной Украины и Беларуси обсуждаются малоисследованные значения переключения языковых кодов и отклонений от литературных стандартов в устной речи жителей двуязычных и пограничных регионов. Сюда относятся фонетические, грамматические и лексические особенности, слышимые в интервью и других зафиксированных медиа-разговорах. Орфография и, в частности, алфавит понимаются в тексте как средства упорядочения, осуществления власти и обозначения суверенитета территорий. Предлагается слышать в исследуемых отклонениях и переключениях не только диглоссию и (не)владение нормой, но и ресурс передачи дополнительных смыслов на микрокоммуникативном уровне. В ситуации интервью эти значения указывают на динамику отношений между информантом, исследователем и произнесенным. В частности, они могут маркировать банальное знание, информацию «для своих», а также не передаваемые алфавитом и официальными картами связи между говорящим и местом. В нелингвистических транскриптах интервью отклонения от литературного стандарта и переключение между двумя языковыми нормами, как правило, игнорируются. В то же время Интернет как нерегулируемое орфографическое пространство дает нам примеры, в которых смешение языков принимается, фиксируется на письме и используется для расширения интонационного репертуара текста. К таким примерам относятся не только комментарии на форумах и в соцсетях, но и намеренные переходы орфографических и лексических границ в двуязычных публикациях и художественных текстах. В этих приемах автор видит инструментарий для более адекватного отображения множественности пространственных отсылок в словах, которые мы слышим.

Ключевые слова: орфография, граница, интервью, голос.

Документальный фильм Михаэля Главоггера «Смерть рабочего», включающий пять эпизодов об опасных и тяжелых профессиях из разных концов света, начинается с части, посвященной шахтерскому труду в донецких копанках – полулегальных угольных шахтах. В течение эпизода камера и человек с нею – а следом и аудитория – оказываются в трех различных позициях: вот коллеги рассказывают документальщичку о своей работе; вот камера зажата вместе с обедающими шахтерами между пластами угольной породы; и, наконец, мы видим шахтера, приходящего домой со смены. Просмотр фильма без дубляжа и с английскими субтитрами дает возможность услышать особенности речи героев-шахтеров в эпизодах, различающихся по позиции камеры в них. В первом эпизоде шахтеры рассказывают о своем труде на стандартном русском языке, в разговорном стиле, и лишь вкрапления фрикативного «г» и «шо» вместо «что» да отсутствие редукции безударных гласных могут выдать регион действия хорошо знающим его людям. Во втором эпизоде мы наблюдаем беседу шахтеров-коллег между собой: они разворачивают «тормозки» (завернутые в ткань хлеб и емкости с прочей едой) – это слово звучит в кадре наряду с нестандартными глагольными формами (*бегит*) и украинизмами (*хай* – рус. 'пусть', *трошки* – рус. 'немного'); коллеги разговаривают друг с другом «внахлест», обильно

матерятся, пропускают части предложений. В заключительной части шахтер дома обменивается с женой фразами на украинском: «*Наробився? – Наробився, тепер їсти хочеться*» («*Наработался, теперь есть хочется*»). В этой градации нормы социальные исследователи увидят след советского [Pavlenko], угнетение и вытеснение официального, но дефакто меньшего языка из публичной сферы [Druviet], постколониальный порядок речи [Ferguson; Annus], а также автоколонизацию [Каганский] – и будут правы. Не теряющие своей актуальности, эти сюжеты тем не менее едва ли аналитически новы для истории, социологии или антропологии региона (см., например, обзор: [Spivak et al.]). Их лингвистическое измерение освоено и описано в категориях *диглоссии* – сосуществования форм языка, отличных по своим сферам применения и статусу, *языковой интерференции* – отклонения от норм языка в речи двуязычных носителей в результате их знакомства с двумя или несколькими языками, а также *социолекта* как варианта речи, характерного для подгруппы носителей языка со специфическими социодемографическими характеристиками. Прожив свои первые 20 лет в Мариуполе и Ростове-на-Дону, а также проведя еще три года полевой работы в Донецкой области, я опознаю паттерны переключения между речевыми вариантами в российско-украинском пограничье и интуитивно разделяю их непроговоренные смыслы. Одновременно

мне знакома практика, в которой различные лингвистические оттенки на территории межъязыкового контакта игнорируются транскриптом – как русскоязычным, так и украиноязычным. Англоязычные субтитры к фильму Главоггера тем более не отображают этой фактуры – и, скорее всего, ни режиссер, ни переводчик не рефлексировали на этот счет. Но следы советского и / или колониального на территории «нелитературной речи» – это далеко не все, что теряется при приведении транскрипта интервью к орфографической норме. В этом тексте я хочу расширить спектр значений, традиционно слышимых в смешении языковых кодов и отклонении от литературного стандарта, за счет изменчивых и сиюминутных пространств – тех, в которых происходят и к которым отсылают отдельные беседы и интервью.

Кроме диглоссии: о чем нам говорит вариация речевых стандартов

Работая с глубинными интервью, я хочу добавить в разговор о лавировании между речевыми вариантами и формами языка еще одно измерение – микрокоммуникативное: слой устных знаков, указывающих на динамику отношений между информантом, исследователем и произносимым на протяжении самого акта устной коммуникации.

Микрознаки такого рода рассыпаны и по аудиофайлам моих интервью, посвященных практикам пользования общественным

транспортом и низовому транспортному активизму в Восточной Украине и Юго-Восточной Румынии. Они неоднородны в своей прозрачности, в степени осознанности переходов, в том, насколько поддаются интерпретации. Мои информанты – пожилые горожане, местные транспортники и волонтеры-энтузиасты транспортного дела, которые разными способами поддерживали городские трамвай и троллейбус в депрессивных регионах. Подавляющее большинство из них двуязычны – как минимум, пассивно – и украинский язык то и дело в разных формах проявлялся в преимущественно русскоязычных разговорах.

В интервью было саркастичное вкрапление украинского «Бракує сродків» («Не хватает средств») в разговоре об отписках из Киева на просьбы восточной провинции о помощи. Есть речевые переходы без языковых: в Галаце имитацию молдавского акцента румынского языка на фразе «У них такие манеры, так они себя ведут» мой информант-эксперт посчитал достаточной для ответа на вопрос «Почему вы не берете бывших водителей маршруток на работу в автобусный парк?» Есть и более тонкие нюансы: соскальзывание по ходу интервью с русских литературных «где» и «кто» на «де» и «хто», стандартно украинские, там где речь идет о хорошо знакомых людях. А есть и попеременное использование «потому что» и разговорно укороченного варианта «то шо»,

которое, вероятно, маркирует отношение говорящего к описываемой каузальной связи: в первом случае она представляется действительно требующей объяснения – интервьюеру и иногда себе; во втором – относится к самоочевидному для местного сообщества знанию. Линия данного раздела между литературной и разговорной формами совпадает с разделом между рецитациями чужих слов и собственными суждениями, а иногда с разделом между «своими» и «чужими» в отношении интервьюера.

Есть возвращение к литературной просодике после моего вопроса об общем знакомом, в фамилии которого я неправильно поставил ударение – из неправильной постановки ударения следовало, что я знаю человека не лично, не из офлайн-коммуникации; и это, вероятно, изменило на несколько минут ощущаемую информантом степень неформальности, доверительности нашего разговора.

Эти эпизоды не отменяют значимости регионального и пограничного макроконтэкстов, но дополняют их: в ситуации, когда статус интервьюера перестает быть релевантным, а перечень доступных речевых вариантов (в том числе нелитературных) для обеих сторон совпадает, переключение между ними помогает нести информацию – не о говорящем, но о ситуации говорения: настоящей, доверительной, неформальной, торжественной; а также о дистанции выска-

зывания – отношении к описываемому как к поводу для иронии, стыда или гордости, как к знанию скрытому или самоочевидному.

В использовании сниженных регистров или смесей двух языковых стандартов для разговора об инфраструктуре, экономике и технологии можно увидеть инструмент эмансипации. Если коммуникация письменная и коммуникация негоризонтальная (с чиновниками более высокого уровня, дипломированными специалистами или институционализированными активистами из НКО) требует соблюдения нормы, то разговор низовых активистов между собой, с местными жителями, или с исследователем-инсайдером позволяет избежать перехода с вернакулярного регистра повседневного общения для самопрезентации. Сложные вещи описываются как простые и привычные, а кроме того – доступные говорящему, освоенные им. А может быть, вместо вертикали или наряду с ней стоит говорить об интонационном инструментарии или потенциале множества регистров. Однако для описания и передачи этой простоты говорения – или же интонационной вариативности – стандартная орфография русского языка оказывается дефицитной / нечувствительной.

Территория, алфавит и власть

Практика транскрибирования глубинных интервью к отображению вышеперечисленных ситуаций на письме не чувствительна.

До 2016 г. и сам я уже при черновом транскрибировании своих интервью приводил ненормативную фонетику к нормативной орфографии. И совершал тем самым – как всякий орфографист [Jaffe et al.] – властное социальное действие: накладывая на вербальные выражения идентичностей порядок правописания определенной *территории*, т. е. пространства, сформированного посредством и очерченного через административный процесс и признаки государства, такие, как бюрократия, стандартизация, нормативы. Приведение письменного транскрипта устной речи к литературному стандарту, на мой взгляд, перекликается с тем, как связаны алфавит и территория. На постсоветском пространстве алфавит нередко оказывается визуальным маркером когерентной суверенной территории: он объединяет диалекты и говоры, а в физическом пространстве его присутствие на поверхностях и в транзитных публичных пространствах – например, вокзала или аэропорта – указывает на государство. Такая ситуация характерна для Восточной Украины и Беларуси, где границы стандартов устной речи зачастую размыты или выстраиваются по совсем другим, нежели соседство больших непрерывных территорий, паттернам: город отграничивается от села, а грамматика письменной коммуникации от грамматики беседы. В это же время на письме границы отображаются в том виде, в котором они

предстают на глобусе или политической карте мира; причем отображаются только границы государственные. Титульный язык особенно виден на указателях и домовых табличках, в общественном транспорте и на остановках – в деталях, призванных придать пространству связность. При оспаривании территории ее принадлежность символически манифестируется в тексте: так было, когда требующие независимости представители донбасса удалили «ь» из объемного украиноязычного указателя «Донецк» на въезде в город; можно вспомнить и случаи, когда в сербско-хорватском конфликте на двуязычных табличках закрашивался текст на одном из языков (и, соответственно, алфавитов – латиницы у хорватов и кириллицы у сербов).

Власть алфавита осуществляется, среди прочих, редакторами текста устного происхождения. Яркий пример тому – книга Светланы Алексиевич «Чернобыльская молитва». Книга составлена из вырезок интервью в трехграничье Беларуси, России и Украины – зоне отселения после чернобыльской катастрофы. Насколько можно судить по набору локаций и характеристикам информантов, интервью пестрили неофициальными вариантами белорусского, русского и украинского языков; голосами городов и сел, экспертов и обывателей, коренных и приезжих. Однако для публикации книга переведена на три восточнославянских

языка так, что внутри одного перевода стандарты не смешиваются. Вместе с приведением к одному литературному стандарту – будь то белорусский, украинский или русский (мне довелось первый раз читать «Молитву» на белорусском) из текста книги вычеркиваются ключи к иерархиям и функционированию границ: социальных, а не только (и, вероятно, не столько) лингвистических. В территорию текста вносится порядок, не свойственный фрагментированному, лоскутному пространству-референту. Отредактированный транскрипт, таким образом, репрезентирует не пространство компании и домашней трапезы (у Главоггера), не больницу и путь отселения из родного села (у Алексиевич), а карту на стене. Пространства, производимые речевым актом, в отличие от территорий, произведенных актом письма, исчезают – бесследно – сразу же после смолкания говорящих.

Практика рестриктивного упорядочивания пространства сегодня встроена даже в инфраструктуру Интернет-поиска, который выправит не только «Гродна» (белорусское написание названия города) на «Гродно», но и «кветы» (белорусское слово для «цветы») на «квесты». Такое программирование, конечно, может отображать не только языковой империализм, но и логику рынка – тяготение к орфографическому стандарту, при несоблюдении которого машина поиска выдаст меньше результатов.

Пространство голоса: просодика и место

Переход между речевыми вариантами может опосредовать отношения между человеком и местом; высказыванием и местом – отношения, более сложные и многослойные, чем отношения с территорией. Вариации речи, не признаваемые в качестве части литературного стандарта и потому не (вполне) передаваемые на письме, в то же время несут в себе информацию о пространстве.

Такие слышимые и значимые знаки рассыпаны и еще в одном (наряду с Восточной Украиной) двуязычном пространстве – белорусском. В Беларуси за пределами больших городов больше литературного русского и белорусского языков распространена *трасянка*. Она использует русскую лексику, но сохраняет (по аналогии с украинским суржилом) фонетические элементы (всегда твердые *р* и *ч*, взрывной *г* и т. д.) и грамматические структуры («смеяться с», приставка за- в значении «слишком», «мне болит» и др.) белорусского языка, а также базовые лексемы (например, личные местоимения *ён*, *яна*, *яно* вместо *он*, *она*, *оно* соответственно) и другие случайные вкрапления белорусской лексики.

До последнего десятилетия *трасянка* ассоциировалась строго с не-городским происхождением и воспринималась как признак невладения литературной нормой русского; те же, кто литературной нормой владели, намеренно имитировали *трасянку* разве что

с целью пародии и сарказма. Незаметно произошедшая перемена в том, что сегодня прагматика использования трясянки усложнилась: среди прочего, она используется теми, кто владеет стандартным русским произношением и не только в ситуациях пародирования речи других. В частности, «допущение» трясянки маркирует градус серьезности разговора или же тему, разговор на которую не считается требующим «саморедакции». Трясянка, таким образом, оказывается ресурсом для помещения высказывания в пространственный контекст, не завязанный на территорию: разговор на ней может происходить не только в «своей» стране, но и в компании «своих». С другой стороны, белорусскоязычные собеседники сегодня свободнее включают в устную речь русизмы (например сленговое *двіж* при наличии белорусского *варушняк*, или *вапшчэ* (бел. – *наагул*)) в ситуации, которую воспринимают как доверительную. Иными словами, оба направления перехода языковой границы могут указывать на ситуацию и, если угодно, атмосферу разговора.

Переходы между языковыми стандартами происходят не только в локализованой коммуникации, но и при перемещении. Тут можно вспомнить расхожую историю про то, как в поездах, следующих из Западной Украины в Россию, язык общения в вагоне меняется при пересечении госграницы. Переходы могут случаться не только при физическом, но и при речевом перемещении – смене географическо-

го референта. Так, у своей 88-летней бабушки я слышу смену голоса при говорении о месте, где она выросла – Беларуси: тогда ее белорусский акцент усиливается, хотя она продолжает при этом физически оставаться в Ростове-на-Дону, где говорит на стандартном русском почти без примечательных особенностей. «Смягчение» интонации – уменьшение перепадов громкости слов, замена окончаний *в* на *ў* и вкрапление не свойственных русскому языку грамматических оборотов (*он старше за ее*) – не просто переносят повествование и локализуют его, но и выражают отношение между пожилой женщиной и территорией, где она выросла. Здесь смена фонетических и просодических нюансов выражает и перенос во времени, и перенос в пространстве.

Пункты перехода орфографических границ

Пространства, где практикуются письменные тексты с отображением устной их ткани, существуют давно и активно. Здесь я не говорю о текстах с орфографическими ошибками вследствие неграмотности, хотя эти ошибки тоже зачастую указывают на отличающийся (властный?) характер русской орфографии, так часто отрывающей письменное написание от фонетического (в белорусском и украинском правописаниях этого разрыва нет).

Иногда орфографические границы переходят в художественной литературе. Поиному, нежели Алексиевич, с правописанием

обращается Андрусь Горват в книге «Радзіва Прудок» («Радио Прудок»), фиксируя на письме межъязыковые блуждания свои и других героев. Зачастую диалоги в книге не помещаются ни в одну из двух литературных норм, но то же самое можно сказать про реальные языковые практики места действия книги – Полесья.

Основная же сфера бытования «фонетически реалистичных» и орфографически трансграничных текстов – Интернет, который Себба называет «нерегулируемым орфографическим пространством» (“unregulated orthographic space” [Sebba: 43–44]).¹ Наряду с произвольными отступлениями от орфографии, Интернет вмещает в себя пространства, где написания смешиваются намеренно, выражая расширенный спектр интонаций и смыслов. Так, в белорусском сегменте Интернета письменное воплощение трясянки используется в комментариях под статьями на белорусских новостных ресурсах (в том числе сугубо русскоязычных) и под постами в «Фейсбуке» [4]. В таких пабликах, как «Парція Памяркоўных Цэнтрыстаў» (Партия Умеренных Центристов) [2], трясянка выступает, видимо, по добровольному выбору редакторов, основным кодом записей.

Попадая в письменное пространство, трясянка снова-таки маркирует не только пар-

дию или сарказм, но также регистры и дистанции высказываний. Причем в Интернете таким ненормативным написанием отображается текст, который, скорее всего, никогда не произносился вслух. Так, «цифровой фольклор» Байнета включает в себя интонации и оттенки смыслов, ускользящие из «правильных» текстов и даже не всегда доступные по разным причинам (чувство неловкости, отсутствие анонимности) в устном общении на те же темы.

В противоположном конце матрицы смешения кодов – некоторые белорусские медиа [3], комбинирующие две литературные нормы в рамках одного текста. Тут тоже в русскоязычном тексте пространственные маркеры отдаются белорусскому языку: веб-адреса, топонимы, имена собственные и названия организаций. Такие вкрапления не то отражают смешанный характер языкового ландшафта, не то представляют его как нормальный, не то выражают уважение к титульному, но мало используемому белорусскому языку.

Несмотря на рассмотренные примеры, в большинстве текстовых жанров эмансипированное двуязычное письмо до сих пор не встречается. Еще реже фиксируются небольшие по объему отступления от фонетических норм. В науке фонетическая чувствительность остается прерогативой лингвистики. Если

¹Заметим, виртуальное пространство вообще не так легко поддается территориализации – связанные с Интернетом запреты и ограничения, действующие в отдельных государствах, то и дело обходятся их жителями при помощи разных технических уловок.

транскрипт интервью и фиксирует такие отступления, это подразумевает, что они сообщают нам о говорящих людях (их происхождении, классе); можно предположить, что в отдельных случаях фиксация таких отступлений несет микрокоммуникативную информацию: статус / роль высказывания внутри нарратива, отношение говорящего к слушателю, позиция относительно места референта.

Новые вызовы поворота к голосу

Поворот к голосу в анализе качественных данных – инспирированный идеями Бахтина о гетероглоссии (разноречии) и интонационном фонде [Орлова], а также пониманием того, что «социальные исследователи не очень-то привыкли слушать свои интервью» [Касаткина: 85], – обещает дополнительные открытия в ходе работы с аудиозаписью интервью через внимание к просодике и интонированию. Однако общепринятых правил для текстового отображения отклонений от «литературной речи» в методологии социальных наук нет, и в этой ситуации видится двойной вызов. С одной стороны, как и во многих других ситуациях «поворота к голосу», мы не знаем, как сообщать услышанное вовне: транскрипту, другим исследователям, внешней аудитории. С другой стороны, вырабатываемые в практике правила понимания и улавливания смыслов, выраженных в тоне и говоре – довольно интимное знание «между нами», сторонами интервью. Когда мы обе-

щаем информанту возможность авторизации письменного транскрипта, то даем и некую гарантию того, что не отображенное в тексте останется неотображенным для всех, кто не присутствовал при разговоре. И без того не легкая задача убедить человека говорить на диктофон может дополняться другой проблемой: если даже приведенный к орфографической норме транскрипт *in verbatim* вызывает у информантов сложные эмоции, то что будет, если транскрипт начнет отображать мало осмысленные особенности говорения и прописывать в примечаниях механизмы их интерпретации?

Может показаться, что выход за пределы правописания как метод – это провокация, подрывающая более базовые, чем фонетическая достоверность транскрипта, принципы гуманитаристики: знание и соблюдение общепринятых стандартов грамотности. С другой стороны, сам текст интервью не обязательно понимать как статичный и завершенный. Здесь полезен опыт Обнинского цифрового проекта [1], который работает с идеей множественности форм и стадий становления транскрипта одного и того же интервью [Orlova, Kasatkina]. Вероятно, «орфографически неправильный» транскрипт может найти свое место среди этих стадий и форм. Такой транскрипт добавит еще один способ связи речи, текста и места и поможет адекватней отобразить множественность пространственных отсылок в словах, которые мы слышим.

Литература

Каганский, В.Л. Невменяемое пространство // Отечественные записки. 2002. № 6 (7).

Касаткина, А.К. Интонирование позиций в исследовательском интервью, или музыка со смыслом // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2017. № 2 (4). С. 83–93.

Орлова, Г.А. Бахтин на разные голоса: этнографические этюды об интонации // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2017. № 2(4). С. 46–57.

Annus, E. (2012). The problem of Soviet colonialism in the Baltics. *Journal of Baltic Studies*, 43(1), 21–45.

Druviete, I. (1997) Linguistic human rights in the Baltic states. *International Journal of the Sociology of Language*, 127 (2), 161–185.

Ferguson, G. (2003). Classroom code-switching in post-colonial contexts: Functions, attitudes and policies. *AILA review*, 16(1), 38–51.

Jaffe, A., Androutsopoulos, J., Sebba, M., & Johnson, S. (Eds.). (2012). *Orthography as social action: scripts, spelling, identity and power* (Vol.3). Berlin: Walter de Gruyter.

Orlova, G., & Kasatkina, A. (2017). Wide open qualitative data: the Obninsk digital project as an ethical dispositive. *Russian Journal of Communication*, 9 (3), 328–335.

Pavlenko, A. (2009). Language conflict in post-Soviet linguistic landscapes. *Journal of Slavic Linguistics*, 17 (1/2), 247–274.

Sebba, M. (2007). *Spelling and society: the culture and politics of orthography around the world*. Cambridge: Cambridge University Press.

Spivak, G.C., Condee, N., Ram, H., & Chernetzky, V. (2006) Are we postcolonial? Post-Soviet space. *PMLA*, 121 (3), 828–836.

Электронные источники

1. Обнинский цифровой проект [Электронный ресурс]. URL: obninsk-project.net (дата обращения: 18.12.2017).

2. Парця Памяркоўных Цэнтрыстаў [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/a_mozha_tak_i_treba (дата обращения: 20.01.2018).

3. Ситидог [Электронный ресурс]. URL: <https://citydog.by/> (дата обращения: 20.01.2018).

4. Чай з малинавым варэннем [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/belteamews/> (дата обращения: 15.01.2018).

References

Annus, E. (2012). The problem of Soviet colonialism in the Baltics. *Journal of Baltic Studies*, 43(1), 21–45.

Druviete, I. (1997) Linguistic human rights in the Baltic states. *International Journal of the Sociology of Language*, 127 (2), 161–185.

Ferguson, G. (2003). Classroom code-switching in post-colonial contexts: Functions, attitudes and policies. *AILA review*, 16(1), 38–51.

Jaffe, A., Androutsopoulos, J., Sebba, M., & Johnson, S. (Eds.). (2012). *Orthography as social action: scripts, spelling, identity and power* (Vol.3). Berlin: Walter de Gruyter.

Kaganskiy, V.L. (2002). Nevmenyayemoye prostranstvo [Insane space]. *Otechestvennyye zapiski* [Notes of the Motherland], 6 (7).

Kasatkina, A.K. (2017). Intonirovaniye pozitsiy vissledovatel'skominterv'yū, ilimuzykasosmyslom [Intonating positions in a research interview, or music with sense]. *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy* [Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies], 2 (4), 83–93.

Orlova, G.A. (2017). Bakhtin na raznyye golosa: etnograficheskiye etyudy ob intonatsii [Bakhtin in different voices: two ethnographic sketches about intonation]. *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy* [Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies], 2(4), 46–57.

Orlova, G., & Kasatkina, A. (2017). Wide open qualitative data: the Obninsk digital project

as an ethical dispositive. *Russian Journal of Communication*, 9 (3), 328–335.

Pavlenko, A. (2009). Language conflict in post-Soviet linguistic landscapes. *Journal of Slavic Linguistics*, 17 (1/2), 247–274.

Sebba, M. (2007). *Spelling and society: the culture and politics of orthography around the world*. Cambridge: Cambridge University Press.

Spivak, G.C., Condee, N., Ram, H., & Chernetsky, V. (2006) Are we postcolonial? Post-Soviet space. *PMLA*, 121 (3), 828–836.

Electronic resources

1. Obninsk digital project. Retrieved from: obninsk-project.net (date of access: 18.12.2017).

2. Partsiya Pamyarkoŭnykh Tsentristay [Moderate Centrists Party]. Retrieved from: https://vk.com/a_mozha_tak_i_treba (date of access: 20.01.2018).

3. Citydog. Retrieved from: <https://citydog.by/> (date of access: 20.01.2018).

4. Chay z malinavym varennem [Tea with raspberry jam]. Retrieved from: <https://www.facebook.com/belteamews/> (date of access: 15.01.2018).

VOICE AND TERRITORY IN TRANSCRIPTS OF ORAL SPEECH

Andrey Vozyanov, European Humanities University (Vilnius, Lithuania); e-mail: avozyanov@gmail.com.

Abstract. Using material from Eastern Ukraine and Belarus, the text discusses the overlooked meanings of language codes switching and deviations from literary standards in the oral speech of residents of bilingual and border regions. This includes phonetic, grammatical and lexical peculiarities, hearable in interviews and other recorded conversations. Orthography and, in particular, alphabet are understood in the text as a means of streamlining, manifestation of power and designation of territories' sovereignty. It is proposed to hear the studied deviations and switches not only as diglossia and inability to master the norm, but also as a resource for transmitting additional meanings at the microcommunicative level. In an interview situation, these meanings indicate dynamics of relationship between the informant, the researcher, and the spoken. In particular, they can mark banal knowledge or information "for insiders", as well as relations between the speaker and the place that are not transmitted by the alphabet and official communication. In non-linguistic interview transcripts deviations from the official standard and switching between two language norms are usually ignored. At the same time, the Internet as an unregulated orthography space gives us examples in which the mixture of languages is adopted, fixed in writing and used to expand the intonation repertoire of the text. Such examples include not only comments on forums and social networks, but also intentional transitions of spelling and lexical borders in bilingual publications and artistic texts. The author consider these techniques as a toolkit for the more adequate reflection of the multiplicity of spatial references in the words that we hear.

Key words: orthography, border, interview, voice.

